

Александр Иванович Морозов

«Родился я 2 января 1926 г. в Алтайском крае, в селе Ивановка. В Алматы приехали в 33-м или 34-м году. Там я пошел в первый класс. Отец мой рабочий, а мать - крестьянка. Безграмотная абсолютно, только писать немножко научилась. Вся моя сознательная жизнь с первого класса прошла в Алматы. До четвертого класса я учился в 38-й школе, потом в 25-й. Кстати, Жириновский ее тоже закончил, но уже после меня.

Война началась в 41-м году. Причем, для меня при очень интересных обстоятельствах. Рядом с нашим кварталом было опытное поле, где выращивали ранние овощи. Мы, мне тогда было лет 14, полезли через забор за огурцами. Перелезли мы через этот забор и только начали собирать, как вдруг громадная овчарка, молча, огромными шагами к нам. Мы ее увидели и бежать! Когда перелезал обратно, она меня за ногу, за штанину, схватила. Но я все-таки на другую сторону перескочил. Когда упал, вывихнул большой палец на левой ноге. И так сильно вывихнул! Трое или четверо пацанов было с нашего квартала. А у нас в Алматы на каждой улице арыки. Я ногу в арык засунул, чтобы вода немного боль успокоила, а мимо меня мужчины идут. Было примерно часа два дня. Мы жили на окраине, народу мало обычно ходит. Идут они и разговаривают «мобилизация, война». Я думаю: «Что такое? Какая война?» Мы и понятия не имели... А домой боюсь идти – попадет за огурцы. Только к вечеру пришел. Мать, конечно, поругала. Радио у нас тогда не было, и только утром узнали что война началась. К соседям пришли – там выступал Молотов. Так для меня началась война.

У меня брат старший, Иван, 23-го года, закончил 10 классов и добровольно пошел по комсомольскому набору в летное училище. В летное его не приняли, так как отец был лишен права голоса. Он поступил в ташкентское училище связи. А через два месяца, в ноябре, училище расформировали, и их бросили под Москву на фронт. В 41-м году ушел старший брат. В 42-м мобилизовали отца, тоже на фронт ушел. Наступил 43-й год. Я закончил 7 классов и поступил сначала в техникум связи, потом из Севастополя приехал судостроительный техникум, я перешел туда. В 43-м году, где-то в апреле приехал начальник школы подводного плавания, Скрыганов, контр-адмирал. Эта школа Ленинградская, на Васильевском острове. В годы войны она эвакуировалась сначала в Астару, потом в

Аральское море, в Казахстан. Скрыганов приехал набирать добровольцев в подплав. Алматы, где нет ни речки порядочной, ни моря, ничего, и вдруг такое счастье выпало. На призывном пункте было около 200 человек. Но медицинскую комиссию прошли только мы, нас было 16 человек.

Отбирали, в основном, по принципу здоровья. Здоровье и образование не ниже 7 классов. Вот так я прошел комиссию. Нас привезли в Аральск, где формировалась школа подводного плавания.

Во время войны пехотного офицера (командира взвода) делали за 6 месяцев или за год. А для того, чтобы выучить на подводника - рядового, при этом еще ученика матроса - надо было год учиться. Там были специалисты по всему профилю службы на подводной лодке - рулевые, акустики, комендоры, электрики, торпедисты, механики. Я попал в группу минно-торпедной БЧ-2-3. Артиллерийское и торпедное оружие. Школу я закончил с отличием.

Я учился год. Приехали мы в июне 43-го и в июле 44-го нас выпустили. Самое интересное, что Иван в 41-м году ушел, отец в 42-м, а в 43-м году они встретились на фронте – отец и сын. Я тогда себе сказал «отец с братом воюют, значит и я хочу воевать!», так и записался. Хорошо что комиссию прошел. Закончил я с отличием и имел право выбора моря - театр, на котором я хотел бы служить. Я, когда кончали учиться, думал про Черное море (сам я южанин). Но к выпуску, к июню 44-го года, для подводников на Черном море кончилась война. Изгнали уже немцев, и подводники без дела были. А Балтика и север только развивались. На Балтийском театре до 44-го года не действовали подлодки. В 42-м году поставили немцы через Финский залив противолодочную сеть в районе Таллина, из-за чего погибло 5-6 лодок. Больше до 44-го года лодки не выходили. Я написал брату: «Заканчиваю училище, записался на Черное море служить». Получаю ответ: «Будь не черноморцем, а традиционным балтийцем! Помнишь, мы у Кронштадта пели утесовское «Мамаша, до свидания, подруга, до свидания! Иду я моряком в балтийский флот!» Я пошел к заму по политчасти училища. Говорю что так и так, вот брат письмо прислал. Я на Черное море хотел, а брат фронтовик-орденоносец, на Балтийском. Зам согласился, и меня переписали. Так, приехали мы в Ленинград, числа 24-го июня. Страшно был разбомблен город. Трубы из окон, трупы на дорогах валялись. Картина очень плачевная. В Кронштадте, в Ленинграде, в роте мы жили до распределения месяц.

Кто-то снимал фильм «Морской батальон», нас гоняли на съемки целый месяц. Потом нас привезли в Кронштадт. Там трубы, линкор «Марат» стоит. Такое патриотическое, интересное было зрелище - пацанам

по восемнадцать лет. Разместили нас в клубе, на базе 1-й краснознаменной бригады Балтийского подводного флота. Там меня распределили в комендор К-52. Кстати, К-52 называли благородно «Катюшей». Это, кстати, самая большая из всех боевых подводных лодок. У японцев была больше, но не боевая. А из боевых, «Катюша» - самая большая и оснащенная. Их всего было выпущено 10 штук до войны. В войну 5 из них погибло. На К-52 есть 10 торпедных аппаратов (6 в носу и 4 в корме), 20 мин и 20 торпед, 4 орудия (2- 100мм, 2- 45мм). Это самое сильное вооружение.

Когда меня объявили (К-52 стоит на большом кронштадском рейде), за мной приехали на маленькой шлюпке, «Тузик» называется, для двух-трех человек. Командир мой – Травкин Иван Васильевич. Лодка стояла мили полторы от берега на рейде. Человек, который привез Травкина, остался на плавбазе, так что пришлось мне этого Травкина везти на лодку. В училищах же не тренировались грести, хотя и было море Каспийское (на Аральском мы, кстати, два месяца всего были, потом переехали в Махачкалу), особо не занимались. И вот мне пришлось везти легендарного командира на шлюпке, которой я впервые управляю! Когда пришли на К-52, громадная она, но самое прекрасное, что у подводников традиция - когда принимают новенького в экипаж – это до слез удивительно. Настолько душевно, настолько желанно, настолько окружают заботой тебя. Когда я слышал, что в армии была дедовщина, для меня это страшно дико было. Как это старшие обижают молодых? На подводной лодке не так – тебе всё. Официально это запрещено. Но все знают и закрывают глаза. Я на лодку пришел – лодка на рейде, паек автономный: 40 грамм спирта, 100 грамм сухого вина, шоколад, белый хлеб, масло. В пехоте было довольствие 10 рублей на одного человека, у подводника - 28. На завтрак на флоте был чай или кофе с хлебом, маслом и сахаром, никаких каш. Кстати, несмотря на блокаду Ленинграда, подводники снабжались полным рационом пайка. Ни грамма не ущемляли. Что для меня удивительно было, что в училище плохо кормили, иногда даже голодали мы. Помню суп фруктовый - как компот, а внутри червячки плавают. Они не вредные, конечно, но все равно... Когда пришел на лодку, форма была не подогнана по размеру. И экипаж, семь человек, все отказываются от завтрака, убирают со стола хлеб, масло, сахар, все в пакет заворачивается, и меня ведут в швальню – там специальная модистка. Я снимаю бушлат, брюки, форменку... И через два дня я весь подогнанный был. Полный член К-52. Вообще-то, по уставу не положено, но все закрывали на это глаза.

Ведь будут говорить: «О, он с К-52!». Уж не говоря о надводных кораблях. На флоте какая-то конкуренция между надводниками и подводниками. Если, например, на берегу заварушка между матросами

заворачивается, то против эскадры, а там в Кронштадте все стояли: линкоры, эсминцы, объединяются подводники с катерниками на эскадру. Но если между собой, то уже подводники с торпедами и катерниками, а если общий враг - против эскадры они объединялись. Ну в общем, очень показательно, что, во-первых на лодке очень много было с высшим образованием - уже в то время 10 классов - образованные люди. И стремятся, чтобы честь каждого матроса была и внешняя, и внутренняя - вся команда болеет за это. И это выработано, потому что сама жизнь заставляет, потому что на подводной лодке во время погружения, если один кто-то что-то не исполнил, не выполнил свои обязанности функциональные - все, гибнет весь экипаж.

Поэтому это в сознание настолько врезано, что один за всех и все за одного. И именно только дисциплиной, все в дисциплине, в строгой дисциплине. Никогда не бывает, чтобы украли у кого-то что-то, чтобы обидел кто-то - это исключено. Помню, уже после войны избили одного... ну, правда... В общем, семья подводников- это образец лучшей семьи, которая была в социалистическом обществе. Самое лучшее- это подводники были.

Я пришел на лодку учеником-матросом после года учения. Вакантной должности не было, все 4 пушки - командиры были на месте. Потом, через некоторое время командира носового 100мм орудия списали, замена произошла, освободилось место носовой 45мм пушки. И вот, меня назначили командиром этой 45мм пушки. И буквально, может быть, через полмесяца вышли в море на стрельбу на учебные стрельбы. Сделали залп сразу из четырех пушек - двух 100метровых. Я не знал о том, что, когда дается залп, надо открывать рот, никто об этом не сказал. И, когда ударили все 4 пушки, у меня из левого уха брызнула кровь, страшная боль была и брызнула кровь, но я никому не сказал, мне стыдно было. И к врачу не стал обращаться, думал: «Вот пришел только на лодку и сразу же все...». Мучился, стоял на вахте, больно. Думал, если бы ухо не болело, как было бы все здорово! И вот, так месяц у меня это, так никому не сказал, не обращался, так и прошел месяц, уже потом, уже здесь, в МВД когда работал, в госпитале уже сказали, что 40% слуха я потерял. Говорят: «Если бы ты сразу тогда сказал, тогда бы вылечили, а сейчас уже...». Вот у меня левое и осталось глухое. Ну, в общем, командир носового 45мм орудия. Вот это начало. При чем там так - взаимозаменяемы. Я командир 45мм пушки или он 100мм пушки; наводчик, заряжающий - это все обязанности другой команды, тоже мотористы, рулевые. Другие, из других команд, заряжают и наводят, моя команда только «Залп! Залп! Залп!»

45мм пушка, в принципе, универсальная. 75 градусов подъем, она была и против самолетов и против надводных целей. А 100мм только по морским целям, по береговым, если нужно.

Мы прибыли в июне, в сентябре был подписан договор с Финляндией, и бригада лодок вышла в Финляндию, вся бригада. Расселились в Турку, в Ханко, и штаб в Хельсинки. И наш дивизион – «Катюши» - в Хельсинки, эски в Турку, щуки в Ханко стояли. Мы пришли в Хельсинки и пошли в поход.

Финны были поражены. Во-первых, они не поверили. Геббельсовская пропаганда уверяла, что Балтийский флот уничтожен, ни одной подводной лодки нет, ни одного корабля - всё уничтожено. И когда вошли «Катюши», особенно «Катюши» – красавицы, громадные - они говорят: «Это фанерные, это не может быть, это из фанеры». Щупали, кололи (правда или нет) и не верили, что могла такая подводная сила после такой блокады сохраниться на Балтийском флоте. Кстати, Балтийский флот... Косыгин - бывший Председатель Совета Министров, сказал (не дословно, но у меня где-то дословно записано): «В истории не было наиболее тяжкого положения для подводного флота».

Финский залив называли «суп с клецками» - несколько тысяч мин, десятки тысяч мин были поставлены. Кроме того, в 42 году, например, на траверсе Таллин - Хельсинки немцы поставили противолодочную сеть от грунта и до конца. Причем, наверху буй, как только соприкасалось - буй загорался. Последний поход был в 42 году, по-моему, 6 лодок вышло из Кронштадта, вернулся один Травкин только. Причем, наткнулся на сеть, финны его засекли. Но у финнов, кроме прочего, были обстрелянные места. У них была одна или две подводные лодки - маленькие, малютки, по два торпедных аппарата. Дистанция пристреленная - она лежит. На эту дистанцию пришла лодка и готово. Но, кроме этого, самое страшное – мины. Так вот, Травкин попался в эти сети... Ну это отдельная история, длинная, поэтому не будем ее касаться. Короче говоря, Травкин был последний. Они трое суток были, их считали погибшими уже. После его возвращения на базу лодкам запретили выходить до 44 года, потому что были сплошные мины и сплошная гибель. За 41, 42 год из 76 действующих подводных лодок, 38 погибло за первые 2 года.

Поэтому финны были, как я уже сказал, удивлены, но приняли доброжелательно. Во всяком случае, те рабочие, которые находились у нас на ремонте. Без ненависти... Ну не все, наверное, но те, с которыми мне приходилось общаться, доброжелательно относились: «Гитлер капут», «Совет хороший»...

В первый боевой поход лодка пошла через несколько дней после Хельсинки. Меня оставили, потому что, наверное, слишком молодой был. В общем я не знаю, по каким причинам, но я остался на «Иртыше». «Иртыш» - это плавбаза. На Иртыше остался, лодка ушла в поход, а я там занимался. Это было в ноябре. 14 ноября, по-моему, лодка пришла в Хельсинки, пришвартовалась к плав базе «Иртыш» покалеченная. Ну это отдельная уже история, она описана, тем более, я не был там.. Они вечером пришли, а утром меня снова взяли на лодку и уже назначили командиром орудия. Пришли в Кронштадт и встали в док на ремонт. С ноября по февраль стояли на заводском ремонте. В феврале, 45 год уже, январь, везде победы, марш идет, а мы на ремонте. Все круглые сутки работали, чтобы скорее встать в строй и успеть повоевать. День и ночь работали. В начале февраля ремонт закончили. Финский залив скован льдом. Нам дали ледакол «Седов» и «Совасари», по-моему, финский. А на нос, чтобы не повредить, такой намордник стальной одели. Трое суток до Хельсинки добирались. В Хельсинки пришли, наверное, сутки, не больше постояли и вышли в море.

Лодка была дизельная, а под водой на аккумуляторах шла. Она самая совершенная по тем временам была. У нас максимальный ход надводный - 22 узла, максимальный подводный - 10 узлов. Ни у одной лодки в мире не было такого хода, такого вооружения и такого хода. И, кстати, еще о подводных лодках: немецкие лодки – сварные, у нас – клёпаные. Ни одна советская подводная лодка не сдалась в плен, в то время, как другие сдавались. Ни одна советская подводная лодка не сдалась. Автономность у нас была 2 месяца плавания. Ну, короче говоря, пришли мы на позицию, где-то 20 или 21 февраля. Наступает 23 февраля – годовщина Военно-морского флота и Красной армии. Все воодушевлены, сделать бы подарок. У меня была сигнальная вахта, с 12 до 4х.

Принцип в походе такой - лодка в подводном положении с рассветом. То есть, погружается примерно за полчаса до наступления рассвета. Погрузилась. И всплывает при полной темноте. Питание переносится наоборот. Например, завтрак - в конце, а обед утром, пока в надводном положении. Потому что после обеда остаются отходы, они за борт выбрасываются, это в надводном положении. А чай - там отходов никаких нет, это уже в подводном положении.

Интересно, когда пришел на лодку, в галюон - пользоваться галюоном не так просто оказалось. Теоретически знал, что там какие-то клапана надо нажимать, но практически не использовал... А галюон - это такое маленькое отверстие. Причем, только на Катюшах обособленный галюон, закрытый, в 7-м и 1-м - открытый, а в 4-м – закрытый. Я в 4-м отсеке был расписан.

Нажал - и ничего не получается! Пришлось звать на помощь товарища. Потому что неправильно нажмешь - на тебя все выльется!

Вообще, это удивительные вещи, особенно при срочном погружении. Ну, короче, на позицию 23-го я заступил на вахту в 12 часов. А у нас на лодке еще один Морозов был, Вася Морозов - рулевой из Баку, до этого на торговых плавал. У нас вместе совпадала вахта - у него с 12 до 4-х, и у меня на верхней палубе .. В общем, Васька был отличный парень.

Волна была балла три-четыре – небольшая. Кстати, спасибо канадцам - вспоминаю теперь - тогда экипировали нас «канадками» с капюшоном. Не примитивные, как сейчас - был натуральный мех внутри, такие же штаны, защитного цвета. Сапоги наши, советские. И волна перекачивается – нагнулся, намкнул, но не так. А ты стоишь, и ничего не знаешь. Моя обязанность комендора на лодке вахтенной - там приспособление такое над рубкой слева и справа, справа - вахтенные офицеры, слева - сигнальщик и комендор. Спрос один - левый борт 90 градусов, другой правый борт 90 градусов, а у меня 180 градусов вся корма. Я имею право только в корму смотреть, никуда не должен смотреть.

Как уже потом разговаривали с другими с других лодок, только один наш Травкин с начала всплытия и до погружения утром не уходил с мостика. Уходил, может, за чаем, или на карту посмотреть, или кофе выпить. Но, в принципе, никогда в надводном положении не спускался в каюту – все время на мостике находился. Потом я уже узнал, что, оказывается, командир все знает. Шифровальщик ему сообщил: «Из Пиллау в Данциг вышел караван такой-то такой-то, атаковать его». Идем. Командир спрашивает: «Морозов, видишь что-нибудь на горизонте?» А все в бинокли смотрят. Я смотрю в напряжении и думаю: «Ну, раз командир спрашивает, значит что-то есть там». И, вот от напряжения смотрю, смотрю, и у меня в глазах огоньки загорелись. И я говорю: «Огоньки, буй наверное, товарищ командир». Он говорит: «... тебе, а не буй! Смотри лучше!» И у меня, действительно, искры сразу пропали. Через полчаса, наверное, смотрю - сигнальщик справа докладывает: «Товарищ командир, слева по борту вижу два силуэта». Как положено по расписанию, командир: «Сигнальщики вниз!» Командир в надводном положении при торпедной атаке один остается на мостике. Там есть специальный набор, ПУНТС называется (Пульт управления ночной торпедной стрельбой).

Первый вахтенный офицер спускается, потом сигнальщик, я последний спускаюсь по расписанию. Пока они спускались, я выглянул и увидел на горизонте два силуэта - один побольше, другой поменьше. В рубку боевую спустились, там Васька уже на руле сидит. Команды дает -

скорость, курс меняет, докладывает, выходит на торпедную атаку, объявляется по лодке. Сначала, как заметили силуэты, объявляет боевую тревогу.

Чтобы смотреть ночью на море нужен, во-первых, бинокль. Если есть луна, то далеко видно, а если нет луны, конечно, ничего не видно. Но в данном случае была луна, причем хорошая. После боевой тревоги командиру докладывают курс, скорости... Потом торпедная атака! И можно (на мостике прибор специальный есть) можно... Но, как правило, еще дубль голосом - командир кричит в люк, а в центральном отсеке доктор у нас был, Миценгендлер Роман Иосифович, майор медицинской службы. Он передает ему, и тот по переговорной трубе говорит: «Торпедная атака! Носовые аппараты товсь! Аппараты пли!» Потом торпедист докладывает: «Первая вышла, вторая вышла, третья вышла.» А на лодке мертвая тишина. Попали или не попали? Мертвая, абсолютная тишина, все вот так сидят. Секунд через 20-25 Пув! Взрыв! Слава Богу, попали! Командир: «Сигнальщиков наверх!»

Это стреляли ночью из надводного положения. Ночью только надводное положение. «Сигнальщиков наверх!» Выскакиваем, я смотрю - громадный транспорт. Нос погрузился, а корма нет. Командир делает разворот: «Добейте его!». В это время он скрывается. Луна была, мы кругом обошли. Командир: «Полный ход!» Трехторпедный залп - торпеды идут веером. Как потом оказалось, из Пиллау вышло два транспорта в сопровождении морского охотника-сторожевика. Какая-то лодка утопила один транспорт, а этот транспорт и сторожевик (охотник) пошли дальше. Трехторпедный залп веером - один попал в охраняющий сторожевик, а второй в транспорт.

Потонули оба. Командир говорит, что первому в середину попало, он напололам и сразу затонул. А второму попало в нос, и вот он потом затонул. Мы развернулись и от точки затопления миль 40 отошли и на грунт праздновать победу! Вино, спирт, кто что хочет, завтраки, короче говоря, сутки отдохнули, перезарядили торпеды и вышли снова в поход. Вышли на позиции, доложили, естественно, в базу. В этом походе сначала мы шесть утопили, потом эсминец нам не засчитали, но пять осталось.

Не засчитали, потому что не подтвердилось. И, удивительно, я - живой свидетель. На моих глазах (я на вахте был вместе с сигнальщиками) - я видел как это происходило. Против Травкина организовалась коалиция, что он любил вышить... Но мастер он был непревзойденный! Были завистники, и дошли до того, что вроде и вообще ничего не утопили на К-52. Вы понимаете? Ну вот не засчитали эсминец...

8 марта – женский день, подарок женщинам надо сделать. Волна в пять баллов, наверное, через мостик переливалась. За пушку держишься, чтобы за борт не смыло. Часа, наверное, в три стою и думаю: «Останусь живой или нет, какая судьба дальнейшая будет?» И вдруг у меня по корме, как кинжалом: «Бых!» Яркий свет. Ивана не было на мостике, я вахтенному офицеру: «Товарищ лейтенант, прямо по корме яркий свет блеснул!» Он крикнул вниз, выбежал командир и все остальные. Боевую тревогу не успели сыграть, он сказал: « Всем вниз!» Спустились вниз, в рубку, он дает команду дизелистам, так прям сразу, без боевой тревоги: «Торпедная атака! Кормовые аппараты товсь!» У нас по корме был огонь.

Потом командир рассмотрел, дает команду: «Кормовые аппараты! (Четыре в корме, двухторпедный залп, это заранее было условлено). Мы в рубке сидим, командир сверху кричит: «Аппараты, кормовые аппараты, пли!» Миценгендлер докладывает: «Первая вышла, вторая вышла, третья вышла!» Он матом: «Какая третья?! Там только две! Какая третья?!» Оказывается, он вместо кормовых, дал команду «Носовые пли!» И торпеды пошли в противоположную сторону. Делает развороты и снова дает команду: «Кормовые пли!» И мы погружаемся, срочное погружение, ушли метров на 40 наверное, и слышим взрыв, мощный взрыв. Какой взрыв? Что за взрыв? Короче говоря, мы записали, что мы утопили этот эсминец, а разведка доложила, что в этом районе не было эсминца, и утопить мы его не могли. А если и был, то он подорвался на mine. Вот так мы сначала на рубке написали (там после каждого похода на рубке пишется), и нам его не засчитали, но Миценгендлеру командир потом, конечно, ну... Так вот случилось, и из всех шести утопленных всего нами в первом было пять. Остальные три не помню, но все они в надводном положении были, потому что я запомнил этот случай, яркий.

Еще хорошо запомнил во втором походе - танкер утопили из подводного (все в надводном, один только в подводном положении). Торпедировали до этого, но не попали, а вот танкер я хорошо помню. Часа в два дня я в четвертом отсеке, центральный рядом, я в переборку в глазок смотрю. Васька - друг мой, Морозов, сидел. А когда в подводном положении в атаку выходят, командир на горизонтальный руль сажает боцмана. Боцман - это командир рулевых, самый квалифицированный специалист в рулевом отношении. Вышли. Акустик, гидроакустик сообщил ему координаты, куда идет, что там штурманы рассчитали. Торпедная атака! «Носовые аппараты товсь!» Боцман сидит на горизонтальном аппарате, только хотел сказать «Пли!», у боцмана руки задрожали и лодка клюнула носом. Иван рядом, как ему на разножке сидел, раз ему кулаком! «Морозов,

садись на рули!» Васька сел, снова вышли на курс. «Аппараты товсь! Аппараты пли! Торпеды - первая вышла, вторая вышла, третья вышла!» Опять мертвая тишина, бух! Взрыв! Есть! Вот это одна в подводном положении, так сказать, без сигнальной вахты .

А про эсминец сразу все шведские, финские газеты написали, что не утопили. Откуда они знают это?! Немецкая разведка, я не знаю, и самое главное, что в вахтенный журнал записано - не засчитывается! Ну и наша разведка. В общем, я в этом не сведущ, как там это делают. А с транспортами все были защитаны, 7 на рубке К-52, так и осталось 7, по моему, да. Вот такие пироги.

Страх от погружения обычно рождается в неизвестности, когда ты ничего не знаешь, а здесь привыкаешь. Привычка - это большое дело, во-первых, лодка идет в подводном положении все время, глубинные бомбы бросают есть-нету, когда уже нащупают точно... Гидроакустика – тут уже не уйти, но они всё равно бомбят.

Лодка попадала под вражеские атаки. Немецкие лодки могли торпедировать с глубины 25 метров, наши не более 16 в подводном положении. В феврале (не помню в каком походе, наверное во втором или в первом) за нами гналась немецкая подводная лодка - запеленговали и преследуют нас. В корму или нос бесполезно, надо в борт зайти. Она нам подходит в борт, а мы ей хвост опять подставляем. Сутки вот так они за нами гонялись. Все под водой, и в конце концов разошлись .

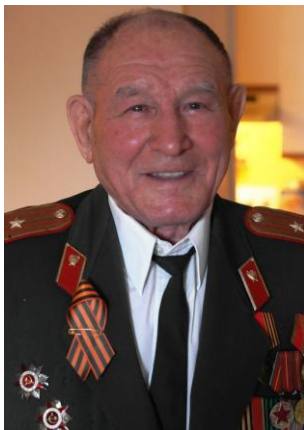
Если из второго похода, то дважды освещали, что К-52 потоплена. Первый раз - в ноябре, когда меня не было, и второй раз в конце - 18 апреля мы получили по радио: «Командиру присвоено звание героя Советского союза, лодка награждена Орденом Красного знамени».

В апреле на Балтике рассвет наступает рано, уже в 5 часов рассветает. Я сменился в четыре часа с вахты, лег на койку (у меня на втором этаже была), думаю, спать не буду, всё равно сейчас погружаться. И вдруг громадный взрыв, бух! опа.... Думаю, ну все! Впечатление такое, что прямо в мою койку снаряд попал - настолько это было сильно. Пробка полетела от обшивки, свет погас, через несколько секунд второй взрыв, но уже несколько метров подальше. Срочное погружение, метров на 20 ушли, третий взрыв и все... На этом дело кончилось. Что случилось?! Когда немножко отошли, командир проходит по отсекам и объясняет - оказывается, лодка К-52 мощная, сигнальщики заметили два «Мессершмитта» на бреющем полете. Заметили уже в 100 метрах, ничего не могли сделать. Командир говорит, что летчики неопытные были, были бы опытные – развернулись бы, зашли по ходу, и у них бы 100 метров была

цель, а так 7 метров только. И вот они бросили одну бомбу, и она, может быть, метрах в 15-20 от лодки упала, проскочили, завернули, вторую бросили, на третью мы уже погрузились.

По нормативам лодка погружается 58 секунд из полного надводного в полное подводное. Но, когда петух клюнет, может и раньше. Это удивительно, я раньше слышал, что перед смертью, когда ты чувствуешь реальную смерть, то вся жизнь вспоминается. Это я слышал, но жизнь-то у меня какая была - школа, да и все, 17 лет. И, тем не менее, действительно – промелькнула, вот так вот раз! И промелькнула! И все, уже думал все, прямое попадание в лодку. Причем, почему-то думал, что снаряд попал, и сейчас будем тонуть. И вот, жизнь промелькнула, а вот, остался и ничего.

У подводников хорошие традиции, причем, удивительно - не у всех. На каждом флоте свои традиции. На севере, например, лодка возвращается из похода, заходя в гавань дает по числу утопленных кораблей артиллерийские залпы. На Балтике, в Кронштадте специально, так называемая, база свинства: выращивают свиней, и по возвращению из похода по каждую утопленную единицу - поросенок. И вот, в первом, во втором походе у нас три победы было - три поросенка.

Вот еще интересно, из третьего похода возвращались, в Финский залив уже заходим, получаем радио: «В этом районе немецкая подводная лодка». Финский залив, как сейчас помню, на мостике был, не на вахте, а на мостике, солнышко было. И вдруг по корме у нас метрах в 200 всплывает перископ немецкой лодки. В корму она ничего не может сделать, поэтому посмотрела она, погрузилась, а нас встречают катера-морские охотники везли письма. Командир сказал, что там лодка, и они пошли. И вот еще что интересно, я обратил внимание, привезли письма, прямо туда встречать, когда приехали - каждому голубой ленточкой перевязанны, некоторым уже по 15-20 писем.

Так вот про поросят. Три поросенка, в зависимости, если например, шесть было - маленькие поросята, а когда три - полусвинки уже. Это торжественно в Хельсинки - оркестр, плавбаза штаб в Хельсинки, к штабу базы, швартуемся с оркестром. И еще хорошая традиция: уходит лодка в море - банкет и, если она вернулась, то тоже банкет обязательно. И вот этот банкет с поросятами, и на этом банкете у нас Симонов присутствовал Константин Михайлович, симпатичный. Впервые услышал, «Хозяюку дома» читал он. Я прочитал, он в 42 году на Черном море на «Эске» ходил в

боевой поход, на одной из «Эсок», и написал стихотворение «Над черным носом нашей субмарины». И вот он нам прочитал «Над черным носом» и «Хозяйку дома». «Хозяйка дома» мне запала в душу. Это, я считаю, самое выдающееся, вам во всяком случае понравится. Вот этот третий поход закончился.

На лодке, как правило, не брились. Кто брился, а кто нет, у многих еще и не росло. Там вот некоторые старики были, то есть раньше до войны на флоте 2-3 года служили. Ребятам уже демобилизация настала, и вдруг война началась, и вот они еще пришли, пришлось пять лет... Ну таких было несколько. На лодке команда 60 человек: 50 срочной и не срочной службы и 10 офицеров. Ну офицеры морские - класс! Честь держали, я не знаю, как сейчас.

Кстати, в 48 году наш дивизион ушел вокруг Скандинавии на север в Полярный, я уже заканчивал в Полярном 2 года. И вот, интересно, несмотря на то, что на Балтике я в походы ходил, а вот демобилизовался уже когда были на Севере. Снился мне Север все время. И я один раз с сыном, другой раз с дочерью - в Полярный летал (наша лодка учебным кораблем уже была), там мне специальное разрешение дали, я зашел в свой отсек и заплакал, флаг поцеловал, оставил фотографии...

Интервью подготовлено учениками и учителями

Русской школы Грамота.

г. Монреаль, 2015 г.

